

ДЯДЯ ВАСЯ. ИСТОРИЯ ПРИВЫЧКИ. Работа ученицы 10 класса Тайшетской школы-интернат №24 Мухамедьяровой Анастасии

10.04.2012 06:58

Школьники, члены просветительской организации "Бирюса-мемориал" Тайшета седьмой раз приняли участие в очень представительном Всероссийском конкурсе исторических исследовательских работ учащихся "Человек в истории. Россия XX век". Трижды за всю историю конкурса они становились победителями.

Работа Анастасии Мухамедьяровой "Дядя Вася. История привычки" вошла в 40 лучших работ из 3229, присланных на конкурс, и [заняла третье место](#). Ученица 10 класса Тайшетской школы-интернат № 24, занимавшаяся по индивидуальной программе у педагогов центра творческого развития и гуманитарного образования "Радуга" г. Тайшета, приняла участие в церемонии награждения в Москве. Это торжественно событие завершения конкурса состоялось 3 мая в Москве в театре кукол имени Сергея Образцова. У Насти от поездки в Москву осталась масса прекрасных впечатлений и воспоминаний.

ДЯДЯ ВАСЯ. ИСТОРИЯ ПРИВЫЧКИ.

Дяде Васе, моему соседу, уже 72 года. Для меня он дедушка. Но не такой, какими рисуют дедушек в детских книжках: с седой бородой, сгорбленными, с шаркающей походкой, стареньком пальто или плаще. И обязательно с палочкой или тростью... Дядя Вася совсем не такой. Он высокий и еще физически сильный. У него широкий шаг. Большие ладони и сильные руки. Более всего о его пожилом возрасте говорят только седые, даже совершенно белые, волосы. Но и это воспринимается не как факт старости, а как следствие иных влияний. К его внешности больше подошли бы русые или даже черные волосы. Как в молодости. О его возрасте говорят еще какие-то трудности с сердцем. Как рассказывает сам дядя Вася, после еды сердце начинает пошаливать. Он и в больнице лежал в связи с этим. Но здешние врачи ему не помогли и посоветовали

ехать в областную больницу. Но и по возвращению оттуда дядя Вася продолжает мучиться сердцем. Ноет, говорит, сердце и не дает быть активным. Поработает по хозяйству и за сердце хватается. Присядет, глядишь и пройдет. Перед самым Новым годом дядя Вася опять попал в больницу, но уже с другой болезнью. А так дядя Вася подвижен и постоянно в работе, которой очень много в неблагоустроенном доме. То дров надо наколоть на зиму, то воды принести, кроликам сено накосить, землю под грядки, картошку вскопать, зимой снег со двора убрать... В общем, в своем домашнем хозяйстве хлопот хватает. Таким, вечно работающим, он помнит себя с малолетства. Работа, работа, работа...

Она, как мне кажется, бывает разной. Разной не только по содержанию, предмету работы. Работа бывает разной и по цели. Точнее говоря, разным бывает отношение человека к своей работе. Человек может работать в удовольствие себе и совершенно не думать о том, что зарабатывает именно деньги и только для того чтобы жить. Для некоторых работа сама жизнь, а не только ради жизни. Но таких счастливых людей, наверное, мало на свете. А если и есть, то они, наверное, очень богаты, чтобы не думать о зарплате для обеспечения своего существования. Для большинства людей работа - это источник средств существования. И на получение этих средств направлены все их физические, душевные силы. Многие люди в погоне за этими средствами уже и не задумываются о честности при их добывании. Такие были всегда. И с этим не поспоришь. Но дело в том, как мне кажется, количество таких людей увеличивается. Их становится все больше и больше. И они уже готовы на всякую подлость лишь бы заполучить деньги. Мой папа возмущается этому и рассказывает, что сейчас люди готовы на все ради денег. И приводит примеры: ночами мужчины выламывали металлическую изгородь парка, чтобы сдать на металлолом. Да что там изгородь... Мелочь. Лес рубят прямо в зеленой зоне города, или на сельских кладбищах, например, и продают.

Для дяди Васи же работа, и только честная, была единственным источником существования. Работа на производстве и в своем домашнем хозяйстве. Он никогда не своровал ни государственного, ни частного. Все надежды на благополучную жизнь у дяди Васи были связаны с работой и зарплатой, с домашним хозяйством, экономией на всем. Все полученное за эту работу, производственную и домашнюю, делало, по мнению дяди Васи, его независимым от всяких житейских неурядиц, потрясений, от непостоянства государства в заботе о людях. Он и сейчас, когда силы его уже не такие как в молодости, не расстается с огородом, с кроликами. Ему

теперь приходится работать даже на два огорода. А получилось это так. Дядя Вася имеет свою квартиру в неблагоустроенном двухквартирном доме по улице Кирова, а после знакомства с бабой Валей он перешел жить в ее квартиру. А у бабы Вали свой огород. Вот так и вышло, что приходится теперь старикам работать на два хозяйства. Продать свою жиле каждый из них не желает в боязни потерять самое ценное – квартиру, если вдруг совместная жизнь не сложится по каким-то причинам. Самая главная из этих причин – смерть одно из них. Тогда, по их мнению, придут наследники и прогонят из квартиры кого-либо одного из них, оставшегося в живых и незаконно проживающего в квартире. Они ведь не зарегистрировали свой брак, и, конечно же, не составили брачного договора. О таком договоре они знают только понаслышке, да по телепередаче «Суд идет». Да и не принято заключать такие договоры среди простых и маленьких людей. Так что существует между ними только негласный договор по совести о поддержке друг друга в этой старости. Жить вместе им легче. Каждому из них в отдельности и обоим. Баба Валя создает домашний уют, хлопочет на кухне, стирает белье... В общем делает все то, что с испокон веков определено в обязанности женщине в домашнем хозяйстве. Дядя Вася же занят тяжелой физической работой по дому: принесет в дом воду, наколет дрова, поправит покосившийся забор, кормит своих кроликов и собачку Шарика, косит летом по канавам и пустырям траву на корм кроликам... И еще в его обязанности входит хождение в магазины за продуктами. На питание они складываются с пенсии, поэтому что и сколько купить они оговаривают тщательно, непременно обсудив цены в разных магазинах. И если удастся что-то купить дешевле, чем в соседнем магазине, оба рады и горды собой – умеем, мол, жить. Стараются купить только самое необходимое – мясо, сахар, рыбу, масло, молоко, макароны, крупу, муку... Фрукты, колбасу считают роскошью и поэтому не покупают. Экономят. Даже остатки хлеба и других продуктов из больницы дядя Вася отдает бабе Вале, когда она приходит его навестить. Хотя пенсия каждого из них, а дядя Васина даже больше чем у бабы Вали, позволяет им купить вкусное. Как бывший сотрудник исправительного учреждения он получает довольно большую пенсию. Но не купят ничего, по их мнению, лишнего, а скорее отнесут сэкономленные деньги на свои сберкнижки. Наличие сбережений для них символ благополучия и покоя. Все эти по крохам собранные деньги предназначены у них на черный день и обязательно на свои похороны.

Ради экономии этих денег – денег на черный день- дядя Вася не пройдет мимо валяющихся пустой бутылки, куска ржавой проволоки, доски, полена... Обязательно подберет, принесет домой. Таким образом накопленные бутылки сдаст в магазин и купит что-нибудь из продуктов. Мотками собранной проволоки он завесил уже все заборы во дворе. И надо сказать, эта проволока довольно часто оказывается востребованной – то падающий от ветхости пролет забора подвязать или затянуть прорвавшийся шланг на летнем водопроводе. И дядя Вася всегда испытывает какую-то затаенную радость от осознания того, что все собранное, подобранное им на улице вдруг оказывается нужным. А еще он довольно долго будет сожалеть о том, что сосед отдал морковную ботву кому-то другому или выбросил. Не пройдет он мимо и оставит валяющимся проржавевшее жестяное ведро без дна – вместо этого дна приспособит сетку из подобранной проволоки и - есть во что собирать осенью картошку в огороде. Из подобранных на улице досок выдернет все гвозди, тщательно их выпрямит и положит в специально для этого приспособленные дырявые ведра, тазы. Сами доски распилит старенькой ножовкой на дрова. Мусор, щепки от заготовки дров он никогда не выбросит – обязательно соберет и сожжет в печи бани. Экономия дров. Дрова ведь дорогие, 1500 рублей за три куба. Поэтому очень рады, если бабе Вале вдруг Горэлектросеть пришлет машину дров как ветерану труда. Баба Валя проработала на этом предприятии экономистом до самой пенсии. Только не понятно, чему она больше радуется – тому, что ее не забывают вообще, или тому, что даром дрова получила. Наверное, тому и другому. Старикам ведь очень приятно, что их еще помнят. У дяди Васи ничего даром не пропадет. Забьет, например, одного-другого кролика на мясо, а уши, лапки обязательно сохранит и понемногу скормит Шарик. Кроличьи шкурки постарается выделывать и продать. Ржавых и гнутых гвоздей собрано уже целых два ведра. Когда дядя Вася их применяет по назначению, то они часто гнутся. Приходится гвоздь вновь вырывать, выпрямлять и снова пытаться забить... Очень неудобно. Но, несмотря на это, дядя Вася продолжает их собирать. Самое грандиозное из построенного с применением этих гнутых гвоздей – забор в огороде да баня.

Правда, применялись и новые гвозди, так как терпение зятя бабы Вали, при пользовании старыми гвоздями на строительстве бани, лопнуло и он купил новые. Мне кажется, что дядя Вася сам похож на старый гнутый гвоздь. Он согнут прежней своей нелегкой жизнью, но выпрямляется и еще старается быть твердым, способным на что-то сегодня. Ну просто как у Маяковского – «гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире тверже гвоздей».

Это «собирательство» становится привычкой дяди Васи, но, к счастью, ещё нее переросшей в потребность. И вряд ли эту привычку кто-то формировал специально. Скорее всего она появилась у него из-за условий жизни. В крестьянских семьях всегда бережно относились ко всему, будь то вещь или что-то духовное. И приучали к этому детей. Так было, по рассказам дяди Васи, и в его семье. Но особенно способствовало возникновению этой привычки жизнь в Сибири, где все необходимое приходилось добывать тяжелым трудом и вечной бережливостью. Кто ж в таких условиях позволит пропасть чему-нибудь задаром или по небрежности? А еще, как мне кажется, что вся политика нашего государства, во все времена, и во времена жизни дяди Васи, учила людей надеяться только на себя. То отнимало это государство все в процессе коллективизации и раскулачивания, то брало в займы у людей и долго не отдавало, то урезало приусадебные хозяйства советских

крестьян и ограничивало количество домашнего скота, то вдруг реформу денег проводило и люди теряли их...И не давало это государство всего того, что делало бы людей зажиточными. Вот и приходилось им все добывать себе трудом и экономией, бережливостью и привычкой не расставаться просто так с вещами, которые уже отслужили свое.

Когда я писала эту работу, то посмотрела в справочной литературе определение понятия «болезнь» - процесс, возникающий в результате воздействия на организм вредоносного (чрезвычайного) раздражителя внешней или внутренней среды, характеризующийся понижением приспособляемости живого организма к внешней среде при одновременной мобилизации его защитных сил. Болезнь проявляется нарушением равновесия организма с окружающей средой, выражающимся в возникновении побочных (неадекватных) реакций, а у человека – снижением на время болезни его трудоспособности» (Большая советская энциклопедия, М., т.3, стр.509).

Я считаю, что привычка дяди Васи подбирать на улицах различные, по ненадобности выброшенные людьми, предметы, можно считать проявлением слабых еще симптомов социальной болезни. Энциклопедия, которую я посмотрела, издана была еще в советские годы и понятно, почему в ней есть еще и такие сведения по поводу социальных болезней: «Существующее в условиях капитализма социальное неравенство и национальный гнет служат причиной ряда заболеваний, и даже вымирания целых народностей, например австралийцев, бушменов, индейцев и др.». Под этим «др.» так и читается – «русских». Я знаю о сокращении числа русских людей в нашей стране по причине снижения рождаемости, увеличения смертности, особенно среди мужчин, о росте числа людей болеющих туберкулезом, зависимостью от наркотиков и алкоголя. Все эти болезни относятся к социальным. Я бы еще к их числу отнесла такую болезнь, как дядя Васина привычка экономить на мелочах и подбирать выброшенные предметы в надежде улучшить свое материальное положение. Думаю, что людей с такими же привычками как дяди Васина, хороших и честно трудившихся полвека, не мало, к сожалению, в России. Я вовсе не хочу обидеть их, причисляя к больным. Я горжусь людьми поколения дяди Васи. Они во многом здоровее россиян эпохи «дикого капитализма».

В свободное время возьмет дядя Вася горсть гнутых гвоздей и, на приспособленном под наковальню куске железа, их выпрямляет. При этом о чем то думает-размышляет. А над чем размышлять есть.

Уже год как к дяде Васе приехал жить сын. Он стал пить и бросил семью. Наверное, его жена и две дочери просто выгнали из дома. Деваться ему было некуда. Вот и вынужден был приехать к отцу. Дядя Вася страшно это все расстроило и продолжает, конечно, расстраивать. Но дело осложнилось тем, что сын не бросает пить. С трудом найденной работы его всегда увольняют прогулы По-пьянке. Еще, к несчастью отца, сын сошелся с женщиной, любительницей выпить. На пару с ней сын продает все за глоток спирта. Даже картошку, выращенную - выкопанную отцом и бабой Валеи. У сына нет прописки, страхового полиса, одежды, обуви. Жить ему не на что, вот и вынужден дядя Вася кормить, одевать взрослого сына. Денег не дает, так как тот сразу же их пропивает. Поэтому дядя Вася сам покупает ему самые необходимые продукты – хлеб, масло, иногда еще дешевые сигареты.

И у дочери, которая живет в Иркутске, тоже что-то время от времени не все ладится. Недавно она в очередной раз приезжала к дяде Васе и просила много денег. Знает она, что деньги у отца есть. Но дядя Вася очень не согласен с тем, как дочь расходует свои, куда она их тратит, поэтому не очень то желает давать деньги дочери. Но все-таки дает, правда, совсем не столько сколько она просит. Гораздо меньше. Последний раз из-за этого дочь уехала не довольная отцом. Все это, нескончаемые денежные проблемы дочери, пьющий и бросивший семью сын, причиняют дяде Васе одни душевные страдания. Он бранит сына, гонит от него пьянчужек, боится, что сын по пьянке сожжет квартиру, сам ищет для него работу...Но все безрезультатно.

Своими переживаниями дядя Вася делится с бабой Валеи, но и вместе они не могут решить от них независимую проблему с сыном. Одни переживания и воспоминания о том, что сын то, в общем то, хороший, учился в институте, был мастером на авиационном заводе в Иркутске, неплохим токарем и сварщиком, любил читать... А теперь от него никакого толка. Не на кого в старости надеяться дяде Васе. Только на себя.

Хлеб дядя Вася покупает непременно «на мелькомбинате», так как он там дешевле на целый рубль, чем в магазине напротив через дорогу. Несмотря на то, что до магазина мелькомбината надо идти чуть ли не целый километр. В последнее время приноровился он, как и многие другие пенсионеры, покупать продукты на оптовых складах или на рынке – там они дешевле. Всё остальное из продуктов питания дядя Вася и баба Валя стараются заготовить сами со своих огородов. Но это им обходится с большим трудом. Но не заниматься этим они не могут - «как же это без огорода?!». По их понятиям без огорода живут только богачи и лентяи. С самой ранней весны все их заботы связаны с подготовкой к посадке овощей и, конечно же, картошки. Последняя отнимает у них много сил и времени. Но ведь картошка для них это второй хлеб. И что значит жить без картошки им обоим очень-очень понятно. На себе испытали в послевоенные годы. Уже с конца апреля начинают готовить семена - поднимут из подполья семенной картофель, сложат его тщательно в ведра, коробки, корзины, что бы проросла до посадки. И стараются посадить ее как можно раньше, хотя прекрасно знают сроки созревания картошки. Да нет, стараются посадить пораньше, чтобы освободиться для других дел.

И все разговоры весной, летом, осенью только об огороде. Не успокоятся, пока весь урожай не будет убран и засыпан в подполье. От всего этого так устают, что еле – еле ноги волочат. Ведь им приходится ухаживать сразу за двумя огородами – бабы Валиным и дяди Васиным. Вот баба Валя сеет овощи, пропалывает грядки, поливает, рыхлит, окучивает то на одном, то на другом огороде. Дядя Вася тоже не сидит, конечно, трудится рядом с ней.

Бабе Вале как-то надежнее и не так страшно жить, когда рядом мужчина. Времена то сейчас очень криминальные, да и живут они в районе частного сектора, где ночами темно, так как нет уличного освещения. Люди не слышат и не видят, или делают вид, что происходит по соседству. А город иногда наполняется слухами о том, что ограбили какого-то одинокого пенсионера или пенсионерку прямо в доме. Вот и баба Валя, когда еще жила одна, просыпалась ночами в тревоге от малейшего ночного шума и лая Шарика во дворе. А еще они заботятся друг о друге, когда кто-либо из них приболеет. Бабе Вале год от года все тяжелее работать в огороде - давление, отдышка. Ходить ей совсем стало тяжело, поэтому то в магазины ходит дядя Вася. Хотя и ему тоже нелегко это дается, часто останавливается, чтобы сердце успокоилось.

Вдвоем им веселее жить. Есть с кем поговорить. Баба Валя даже чем - то похожа на дядю Васю. Скорее всего своей общительностью, доброжелательностью к людям. Дядя Вася не по годам веселый и общительный. Любит посидеть в компании, выпить рюмочку - другую водки. Но водку он не покупает. Говорит, что предпочитает самогон, который нет-нет да изготовит сам. И как бы оправдываясь приводит аргументы в пользу самогонварения: во-первых, это дешевле обходиться для семейного бюджета, во-вторых, свой самогон чище чем водка из магазина, к которой доверия нет. Ведь сейчас все подделывают : водку, лекарства... Изготавливает самогон немного, для семейного праздника, а чаще для того, чтобы рассчитаться с работниками, приглашенными им, например, для копки земли под картошку или с трактористом за вспашку. Но чаще он сам вскапывает огород , из экономии. Правда, это не всегда получается - сердце не дает. В компании дядя Вася любит даже поплясать - потанцевать и песню застольную спеть. Он и на гармошке своей иногда сыграет. Но таких праздников очень мало стало в их жизни. Хотя баба Валя никогда не одобряла застолья. И любит из всех телепередач больше всего «Играй, гармонь». Они с бабой Валей ни одной передачи не пропустили еще. Стараются освободиться от

бесконечных домашних хлопот и обязательно посмотреть по выходным эту передачу. Дядя Вася в молодости участвовал в художественной самодеятельности: играл в спектаклях. У него и сейчас храниться старая-старая заметка из местной газеты «Сталинский путь» об этом. Так же бережно хранит он почетные грамоты, благодарственные письма за добросовестный труд и победы в социалистических соревнованиях в честь каких то партийных съездов КПСС, годовщин Октябрьской революции и рождения Владимира Ильича Ленина. Любит он при случае продемонстрировать свою трудовую книжку, выданную ему, пятнадцатилетнему подростку, еще в 1949 году. Дядя Вася непременно при этом уточнит – «я еще и без трудовой книжки работал, но в трудовой стаж это, конечно, не записали...». Особую гордость у него вызывает этот большой , 48-летний стаж и множество поощрений за труд : благодарности, 15, 20-ти рублевые премии.

Наблюдая за дядей Васей и бабой Валей, слушая их рассказы и рассуждения о стариковском житье-бытие, я пытаюсь найти объяснения некоторым привычкам дяди Васи, отдельные из которых, кажется, вот-вот перерастут в потребности. Экономить на всем и делать как-то денежные сбережения это еще объяснимо и мне понятно. Но вот такая привычка как подбирать на улицах пустые бутылки, дырявые гвозди, доски, куски проволоки... Ведь дядя Вася уважаемый, порядочный человек, достаточно для пенсионера обеспеченный, а не какой-то, как говорится, бомж, которому жить вовсе не на что. Я ни как не могу найти на это ответа. Спрашиваю его самого, но дядя Вася лишь отшучивается или отвечает, что сам не знает. Возможно, он лукавит. Однажды я надумала поискать ответ в прошлом дяди Васи, о котором он вспоминает с удовольствием и некоторой не скрываемой гордостью.

Родился дядя Вася Тарантюк на Украине, в деревне Черемуховой Коршевского района Ивано-Франковской области. До 1962 года область эта называлась Станиславской. А город Ивано-Франковск – Станислав, по имени его основателя польского магната Станислава Потоцкого. В 18-19 веках эти земли входили в состав Австрии и Австро-Венгрии. С декабря 1918 по май 1919 – г.Станислав стал столицей Западно-Украинской народной республики. Затем эта республика была ликвидирована и земли будущей Ивано-Франковской области вошли в состав Польши. С сентября 1939 года область была включена в состав Украинской советской социалистической республики (Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., М., изд. Советская Энциклопедия, 1972 г ., т.10,стр.19.).

Семья украинцев Тарантюков была небольшой: отец Дмитрий Григорьевич 1903 года рождения, мать Анастасия Васильевна, 1911 года рождения и двое детей – Вася, 1933 года рождения да Катя, 1936 года рождения. Отец Дмитрия Григорьевича погиб еще в первой мировой войне. Отец матери Василя – дед Фуштей, румын. Он был поваром на фронте в годы Великой Отечественной войны... Вернулся домой целым и невредимым. Но однажды на мостике у самого своего дома под ним взорвалась мина и деду Фуштей оторвало ногу. Таких невзорвавшихся мин было много, так как в годы войны линия фронта проходила прямо через деревню. Отвезли его в больницу, а через некоторое время в деревне прошел слух о его смерти. Жена деда Фуштей, купив гроб и погрузив на телегу, поехала в больницу. К счастью, дед Фуштей оказался жив. Так и вернулись они в деревню, сидя на гробу. Бабушка Василя по линии отца – Катерина Григорьевна, умерла в возрасте 82 лет уже в Сибири. У отца еще было три брата – Василий, Николай, Иван.

Отец работал столяром в мастерской пана по изготовлению конных повозок, а до этого батрачил. Мать вела домашнее хозяйство. А хозяйство было небольшим - огород при доме, сад, да в поле земельный участок, где растили пшеницу, кукурузу, коноплю, дыни. Мастерская, где работал отец, и арендованный земельный участок принадлежали пану Линдею. Из домашних животных - лошадь, свинья, куры, а основную ценность представляла корова Зорька - она была кормилицей, как говорят. Да так и было на самом деле. Свой дом семья Дмитро Тарантюка построила с помощью родственников. Дяде Васе было тогда всего 5 лет. Дом был средних размеров, мазанка, побеленная снаружи и украшенная наличниками без ставен. Отапливался дом русской печью. Мебель была самой простой. Сделана она была руками отца. Единственную кровать занимали родители, а дети спали на печи. Одежду изготавливали сами. Для этого сеяли лен, коноплю. Полученный холст красили. Еда в доме была всегда, но правда самая простая крестьянская. Так жило большинство семей в деревне. Хлеб был всегда в достаточном количестве. В деревне была десятилетняя школа и до начала войны Василь успел закончить пятый класс. Учился он старательно, но с математикой были большие проблемы. После уроков, как и все деревенские дети, приходилось работать, помогая родителям по хозяйству. Главной обязанностью было пасти корову Зорьку. Как корову звали дядя, Вася запомнил на всю жизнь, так как с этой коровой у него связаны многие воспоминания.

По причине малолетства в те предвоенные годы, он совсем не запомнил многие важные события, в частности, установление в Станиславской области советской власти, образование колхозов. Но в его памяти сохранились осколки детских воспоминаний о том, что отец сразу же вступил в колхоз. Выучился на тракториста и очень хорошо работал. И ответственно, осознанно по своей натуре порядочного человека. Или в страхе перед наказанием. Пойми теперь, а сам дядя Вася не может объяснить. Вот чем, например, руководствовался Дмитрий Григорьевич, когда однажды сломался трактор по его вине. Чтобы его восстановить, отец продал корову и на эти деньги купил в районном центре необходимые запчасти. Трактор был в короткий срок восстановлен. Рассказывая об этом, дядя Вася всегда добавляет «Вот так работали тогда люди!». Продать корову на запчасти, наверное, не каждый бы согласился по доброй воле.

Неплохо для малолетнего пацана запомнил он военные годы. Например, помнит как узнали о войне. Отец и дядя, взяв с собой Василя, пошли через сад к знакомому односельчанину за машинкой для крошения табака. И тут то им сообщили о начавшейся войне. Взрослые сразу же подумали о том, что будут призваны на фронт. Но отца не призвали, так как он попал под бронь: был трактористом в колхозе, созданном сразу же после установления советской власти в их деревне. Линия фронта прошла как раз по середине деревни. Тянулись ряды колючей проволоки. Семья Тарантюков оказалась на территории, которую еще контролировали советские войска. Семья же одного из братьев отца оказалась на другой, захваченной врагом. Но потом советские войска отступили. Немцев в оккупированной деревне видели редко, зато много было мадьяров, то есть венгерские войска, союзники фашистской Германии. Жители деревни во время боев прятались в подвалах, рыли в земле бункеры. Иначе не было спасения от бомбежки с самолетов, артобстрелов. Если бомбежка или артобстрел начинался во время работы в поле, то люди прятались в кустах. Однажды из таких вот кустов наблюдал Василь, как немецкий самолет обстреливал полевою кухню. Заходили в дом Тарантюков и отступающие красноармейцы. Однажды забрели уставшие, голодные разведчики. Непонятно почему, но дяде Васе запомнилось, как один из них прямо руками из чашки брал еду и жадно ел. Советские войска отступали. Вместе с ними на восток тянулись и беженцы... Во время оккупации жизнь текла так, как будто бы вовсе нет войны. Во всяком случае так казалось Василю, но он был маленьким и, видимо, не все знал и запомнил. Жители деревни работали, как и до войны. Сохранен был колхоз или нет, дядя Вася не помнит. Мадьяры собирали продовольствие с жителей деревни, отправляли молодежь на работы в Германию.

А затем наступил 1944 год. Началось изгнание немецко-фашистских захватчиков и их союзников с территории Украины. В начале июля линия фронта находилась вблизи деревни Черемуховой. Семья Тарантюков решила покинуть свою деревню и уйти в город Коломея, что в километрах двадцати на восток. По пути туда, вынуждены были из-за боев оставить корову в Коршеве. Расставание с кормилицей страшно расстроило мать, и дядя Вася решил сходить за ней. Ничего не сказав родителям. Корову Зорьку удалось найти, но на обратном пути, на полевой дороге, попал дядя Вася под обстрел немцев. То ли стреляли они именно в него, то ли нет, ему было непонятно, но очень уж рядом мины разрывались. Горячие осколки шипели в лужах. К счастью все обошлось, только отец и мать долго ругали его за самовольство. В Коломее устроились жить в доме одной

полячки. Дом был большой, а она в нем проживала только вдвоем с сыном. Отец устроился работать столяром на бывшей фабрике пана Бескупского. Небольшая фабрика производила повозки для войск. Мать хлопотала по дому, а Василь пас корову Зорьку. Пас он ее невдалеке от какой-то заброшенной железнодорожной ветки, на которой польские мальчишки катались на механической вагонетке. Василь с ними познакомился и охотно согласился покататься. Окончилось все это печально. Босая нога зазевавшегося Васятки попала под колесо вагонетки и три пальца отрезало как ножом. Беднягу дотащили до дома, где сердобольная хозяйка-полячка промыла рану спиртом. Но за врачебной помощью все же пришлось обратиться. Мать, прихватив кусок сала, уговорила врача в советском военном госпитале зашить рану. А отрезанные пальцы отец закопал в землю, да еще поставил над ямкой маленький крестик из прутьев. После того как советские войска освободили их родную деревню, отец решил вернуться туда. Хозяйка дома, полька, уезжая в Польшу вместе с остальными поляками, оставляла им свой дом, но отец отказался.

В родной деревне Черемуховой их дом был разрушен. Отец занялся его ремонтом. Работать он устроился на железную дорогу путевым обходчиком. Мать, как всегда хлопотала по дому. Василь пас корову в свободное после уроков время, нянчился с младшей сестренкой Катей. Все хозяйство пришлось заводить заново. Не было даже посуды. Один старик, живший с ними по соседству, делал ее из железа, собранного с разбитой военной техники. Деревенские пацаны тоже бегали добывать с этой техники что-нибудь полезное для дома. Однажды Василь нашел патроны с большого танкового пулемета и решил их разобрать. Начал стучать патроном по гусенице танка. Патрон взорвался в руке и оторвал большой палец. Еле дошли до дома, так как Васе стало плохо от потери крови. Отправили его в санчасть стоявшей неподалеку воинской части. Все было настолько серьезно, что Василя положили в госпиталь. Было тогда ему всего 11 лет. Когда в соседней деревне Хлебычин открылась школа, стал учиться в 6 классе. Учиться было трудно. Надо было каждый день ходить в школу за 7-8 километров. Питались только тем, что удавалось прихватить из дому. Стараниями отца и матери был восстановлен огород, поле. Коня нанимали, семена брали в долг, так как денег не хватало, а то и вовсе не было. Постепенно возвращались деревенские, мобилизованные в годы войны на работу в Германию. Дядя Вася помнит, что после войны они вернулись в деревню и имели такие вещи, которые деревенским и не снились. Некоторых жителей деревни арестовывало НКВД, обвиняя их в связях с бандеровцами. Последних было много в этих краях, так как это была Западная Украина. В Коршеве, районном центре, стояла воинская часть, которая постоянно проводила борьбу с бандеровцами. В 1947 году арестовали отца. За что и как его арестовали, Вася, конечно же, не знал и не видел. Уже много лет спустя, уже в Тайшете, дядя Вася спросил отца, почему его арестовали. Отец ответил: «Тебе не обязательно знать». Так что дядя Вася до сих пор не знает о причинах ареста отца и своей ссылки в Сибирь.

Вскорости после ареста отца начали высылать семьи арестованных. Деревню оцепили войска. Мать хотела спрятать Василя, и с этой целью отправила его к соседям якобы за солью. Но солдат конвоя пошел вместе с ним. Всем жителям приказали собираться и брать только самое необходимое. Вывезли из деревни в Коршев много семей. Со всего района – целый эшелон. Дядя Вася хорошо помнит, что они с матерью взяли и корову – она брела, привязанной за сани с их имуществом. Но Зорьку потом забрали, так как в вагон товарный ее бы все равно не погрузили. Мать, прощаясь с коровой, плакала. Родные и близкие несли людям еду, теплую одежду, так как прошел слух, что отправляют в Сибирь. Василь, увидев такое количество еды, сказал матери: «Мама, смотри как все хорошо! Столько еды!» Семья Тарантюков взяла с собой даже перину, которая, кстати, очень пригодилась в эшелоне да и потом в Сибири.

По дороге в Сибирь, каждая депортированная семья ела свои продукты. Редко, на каких-то крупных станциях, выдавали воду, хлеб, продукты. Солдаты конвоя открывали двери вагона и вызывали желающих идти за продуктами. Василь самым первым вызывался идти. Пока получали продукты и несли их к вагону, удавалось дополнительно урвать что-нибудь для своей семьи из общего пайка.

Привезли их в Омск. Затем на машинах в г. Тара, где разместили в здании церкви. Несколько дней их здесь держали закрытыми. Дядя Вася помнит, что людей было битком набито в церковь, справляли нужду прямо в церкви. Несколько семей, в том числе и их, отправили на баржах вниз по Иртышу. Прибыли в Знаменский ЛПХ Омскгортопа. Леспромхоз вел заготовку дров для Омска. Этот поселок был полностью населен депортированными и назывался просто «Омготоп». Поселили всех в общий барак, где имелись только двухъярусные нары и железные печи. Вот здесь то и пригодилась взятая с собой перина. В бараке было тепло, так как железные печи постоянно работали. Питались все по отдельности, готовя пищу на этих печах. Хлеб выдавали по 300 граммов только на работающих. Мать начала постепенно распродавать привезенные вещи местным жителям, чтобы прикупить еду. Василь старался помогать матери. Даже, сидя без валенок на нарах, из какой-то старой пряжи связал свитер и обменял его на ведро картошки. Все мысли его были направлены на добывание чего-либо полезного семье. Всех взрослых и подростков распределили по рабочим местам. Рабочей одежды и обуви не выдавали. На всю семью Тарантюков имелась только пара валенок. Валенки эти мать носила, так что Василю в первую зиму больше приходилось сидеть в бараке и присматривать за сестренкой. Кое-как удалось приобрести обувь и для него. Мать старалась определить Василя в школу, которая находилась в соседнем поселке. Пристроила его на квартиру к каким-то старикам. А в качестве платы за жилье мать привозила дрова и 3 ведра картошки на прокорм сына. Но старики кормили малолетнего

квартиранта бураками (свеклой), а картошку редко давали. Василию эта свекла приелась и казалась страшно невкусной. В классе он был самым старшим по возрасту, да и ростом велик. Над ним смеялись за это. Парни его возраста из семей спецпереселенцев уже работали в леспромхозе. Доучившись кое-как до октября месяца, Василь бросил школу пошел работать. Его назначили на расчистку в зимнее время санной дороги, по которой на больших санях вывозили дрова, лес с лесоповала. Так как ему было еще мало лет, то не был оформлен как рабочий, а всю зарплату, 300-400 рублей и хлебный паек, записывали на мать. Она устроилась работать еще на одну работу - в контору, где вручную крутила генератор для выработки электричества для леспромхозовской радиостанции. В летнее время трудился Василь на вырубке просеки для ледовой санной дороги по вывозке леса. То, что зарабатывал Василь, облегчило материально жизнь их семьи. В летнее время Василь рыбачил, как и многие, на Иртыше.

Рыболовную снасть – закидушки, научился делать сам, глядя на других. Пойманная рыба была хорошим добавлением к скудному столу. До сих пор дядя Вася помнит, как однажды поймал очень большую щуку. В общем, старался он всячески облегчить жизнь в Сибири.

На следующий год назначили его на трелевку леса, что считалось серьезной работой даже для взрослых. Видимо, начальство присмотрело трудолюбивого, не по годам рослого паренька. Лошадь ему досталась какой-то монгольской породы, невысокая, мохнатая, но ленивая. Приходилось ее подгонять гнупом. От ударов гнупом на морозе, шерстинки шкуры лошади ломались и оголялась кожа. На этих местах затем появлялись болячки. Начальство леспромхоза это заметило и страшно ругало Василю. Так что досталось ему в первое время на трелевке и от лошади и от начальства. Иной раз просто плакать хотелось, так как не все получалось. Работа эта была тяжелой. Вальщики валили пилами деревья, распиливали их по необходимой длине, обрубали сучья, а трелевщик должен был цеплять эти бревна одним концом на специальные короткие сани и вывозить из лесу. Мерзлые, тяжелые бревна в глубоком снегу плохо поддавались, норовили отцепиться и скатиться с саней. Приходилось заново грузить их на передок саней, привязывать мерзлой веревкой. Эта веревка постоянно развязывалась, и бревна могли вновь скатиться. Вася мучился долго, пока один из трелевщиков, спецпереселенец из поволжских немцев, не дал ему цепи для крепления стволов деревьев к саням и не научил, как правильно ими пользоваться. Дело пошло. Трелевщики вывозили бревна на единую площадку в лесу. Эту площадку называли верхним складом. Здесь лес грузили на большие сани с металлическими полозьями и высокими стойками. Для облегчения движения этих саней строили ледовую колею - в летнее время прорубали просеку, выкорчевывали пни, а с первыми морозами по снегу наращивали лед под полозья саней. По этим ледовым дорогам везли бревна на берег Иртыша и складывали их огромные штабеля. В летнее время этот лес сплавляли вниз по Иртышу на лесоперерабатывающие предприятия. Как-то леспромхоз получил новую партию военных лошадей. Эти лошади были тягловой силой в артиллерийских частях в годы войны. Василию досталась огромная кобыла Белуга. Она была мощной и послушной, прирученной к точному выполнению команд возчика. Вот на ней то Василь стал выполнять и перевыполнять норму. За что и получил в виде поощрения премию 20 рублей и красный флажок передовика производства. Крепился этот флажок к дуге упряжки. Василь был горд - он в одиночку выработывал сверх нормы, в то время как остальные рабочие на трелевке леса работали парами. А еще он стал получать больше зарплаты и в 1949 году оформили ему трудовую книжку. Было Василию тогда всего 15 лет.

Вот с этих пор и насчитывается 49 лет его трудового стажа. В летнее время всех рабочих переводили на погрузку барж дровами, которые отправляли в Омск. Шла заготовка дров на предстоящий зимний отопительный период. На заготовке дров существовала норма выработки – 4.5 куба на человека. Дядя Вася говорит, что это была вполне выполнимая норма для молодых и здоровых парней. Пожилых работников на такие участки производства не отправляли. Рабочий день был не восемь часов, а больше. Все зависело от выработки. Если бригада видела, что сделала за день большой объем работ и это хорошо отразится на зарплате, то прекращали рабочий день. Если надо было закончить погрузку баржи дровами, то работали допоздна. За простой баржи могли и наказать рублем. Василь стал получать больше денег и это облегчило жизнь их семьи. В магазине леспромхоза можно было купить макароны, маргарин. Мясо, рыба, сахар были редкостью. Питались в основном картошкой да хлебом. В лес на работу вахтовым методом (по недели в лесу жили) продукты брали свои, столовой не было. Каждый готовил сам себе или питались группой по два, три человека. Пища была однообразной: та же картошка, варенная или жаренная на маргарине, хлеб и молоко, которые хранили в замороженном виде. Леспромхоз выделил семье Тарантюков отдельную маленькую квартиру в бараке, но подселило к ним еще одну семью - незамужнюю женщину с дочерью-подростком. Стараниями Василю и матери обзавелись небольшим огородом. Наличие огорода много значило и не каждой семье удавалось его разработать. Благодаря этому огороду удалось выкормить одного поросенка. Поселок Знаменского леспромхоза был не большой. Имелась комендатура, работники которой постоянно проверяли наличие спецпереселенцев, предотвращая побег. Да и куда было им бежать: до Тары и Омска было далеко, паспортов спецпереселенцы не имели. Первые годы спецпоселения были тяжелыми во всех отношениях. Тяжело привыкали люди к морозам, страдали от неустроенности быта, голодали. Часто происходили вспышки эпидемии тифа. Дядя Вася вспоминает, что умирали многие, и старики и дети. Но чаще всего те, кто по помойкам лазил в поисках пищи. Кроме конторы леспромхоза и комендатуры имелся в поселке медпункт, клуб, где показывали кино и проводили по воскресеньям и в праздники танцы.

Отец писал письма, но редко. Сразу после ареста в 1946 году он попал на пять лет в исправительно-трудовые лагеря Коми АССР. Затем по этапу его перевели в особый лагерь №7 «Озерный», который был создан в декабре 1949 года. Управление этого лагеря, в котором отбывали заключение осужденные по статье 58 «Измена Родине», находилось в Тайшете, а лагерные пункты располагались вдоль строящейся железной дороги Тайшет-Братск. Это был западный участок Байкало-Амурской магистрали, который начали строить еще в 1937-38 годы. Отец Василя попал в лагпункт №048, заключенные которого работали на Центральном авторемонтном заводе строительства БАМа. Так как он был столяром, то работать ему пришлось в цехе по изготовлению кузовов грузовых машин, а еще на строительстве многих объектов города Тайшета, например, на строительстве Универсальной торговой базы. Отец Василя освобожден в 1955 году и стал в письмах звать семью к себе в Тайшет. По сравнению с поселком Омготоп, Тайшет был более перспективным для жизни. Василь не собирался всю свою жизнь работать трелёвщиком леса. Он мечтал выучиться на шофера. Мать Василя несколько месяцев ходила к начальнику леспромхоза и просила уволить их для переезда в Тайшет. Начальник соглашался отпустить только ее и дочь, а Василя не отпускал. Не хотел он терять хорошего работника. В конце концов отпустил.

Начались хлопоты, связанные с переездом. Взяли только одежду, еду. Да, впрочем, другого-то имущества и не нажили еще. При увольнении Василь получил большие по тем временам деньги, за три последних месяца работы. По их приезду в марте 1955 года в Тайшет отец получил комнату в коммунальной квартире в двухэтажном деревянном доме. Эти дома, а их всего 12, до сих пор стоят в Тайшете, образуя своеобразный микрорайон. Двухэтажные, по восемь квартир в каждом их двух подъездов, высокие потолки, печное отопление, водопровод, большие окна. Во дворе каждого дома тоже двухэтажные деревянные сараи для дров. При каждом доме были палисадники, тротуары. Баба Валя вспоминает, что она, как и многие тайшетцы, мечтали получить в этих домах квартиру. Квартира была небольшой для четверых человек, так как с ними еще жил некоторое время товарищ отца по заключению. Сестра Василя, Екатерина, осталась в г. Тара, потом поехала учиться в культпросвет училище в городе Иркутске. Для Василя все было новым- город, магазины, которые удивляли его своим, как казалось, изобилием и разнообразием товаров, колонны заключенных под конвоем на улицах... Устроился Василь на ЦАРМЗ учеником термиста, специалиста по обработке металлических изделий температурным воздействием. Завод в те годы был крупнейшим предприятием в Тайшете, охраняемым объектом, так как на заводе трудились не только вольнонаемные, но и заключенные Озерлага. Территория завода была огороженная высокими заборами с колючей проволокой, вышки для конвоя, прожектора светили в ночное время. Для заключенных имелась специальная вахта, через которую они под конвоем приводились в рабочую зону завода, где на всех участках находились солдаты конвоя. Начинали и заканчивали работу по заводскому гудку. Дядя Вася вспоминает, что среди заключенных очень много было хороших специалистов: рабочих, инженерно-технических работников.

Учиться на термиста Василию не пришлось – начиналась пора сенокоса в колхозах и на эти работы предприятия Тайшета отправляли бригады рабочих для оказания шефской помощи. Вот Василя, как еще малозначимого работника для завода, и отправили в деревню Рождественку. По приезду с летних сенокосных работ Василию объявили, что он должен сдать экзамены на термиста. На экзамен он не пошел, заявив начальству о том, что его не учили, а отправили на сенокос. И что он вообще увольняется с завода. Не давала покоя мечта стать шофером.

Устроился работать грузчиком на одном из предприятий Озерлага, а вечерами учился на курсах шоферов, которые открылись при Учебном комбинате Управления строительства западного участка БАМа. 2 июля 1957 года сбылась его мечта – он был назначен шофером в том же Озерлаге и проработал в этом качестве до 12 марта 1989 года. Выделили ему старенькую грузовую машину, которую использовали по хозяйственным нуждам лагеря. Ходил в рейсы в Тулун, Братск. А потом перешел на ЗИС-150 водовозку. Началась четырехлетняя работа без выходных и проходных, как говорится. Но и в ней Василь находил пользу для дома, который построили сами и где 10 лет прожили с отцом и матерью. В 1957 году дядя Вася женился и получил уже отдельную квартиру. В свободное от работы время вместе с отцом подрабатывали, как тогда говорили «калымили» – строили жилые дома по найму. А еще много трудились на домашнее хозяйство: корова, свиньи, куры. И все это требовало ежедневной и постоянной работы. Хотелось все иметь в доме. Так как до этого сделать это домашнее благополучие не дали. В 1958 году родился сын Сергей, а затем и дочь.

Жили как все в те годы, не богато, но и не бедно. Ездил даже по путевкам МВД в санатории. Где-то в середине 60-х годов удалось съездить на родину, в родную деревню Черемуховую. Найти свой дом не удалось. Односельчане сказали, что после того как их семью вывезли в Сибирь, дом увезли и в какой-то деревне и построили из него маленькую школу. На родине дяде Васе не понравилось. Все хорошо там, но как-то нет простора, как в Сибири. Сено где хочешь не накопишь – все уже распределено и ревниво охраняется. Доски и гвоздя задаром не получишь, не найдешь. Вернуться на родину дядя Вася не захотел. Да и могилы родных не там, а здесь, в Сибири.

Дети выучились и уехали из Тайшета. В 1986 году умерла дяди Васина жена Валентина, а еще раньше мать с отцом. И Василий Дмитриевич остался в Тайшете один. Казалось бы, что надо эту Сибирь проклинать только за то, что стала местом его ссылки. И лагерный Тайшет тоже, как символ этой неволи. И вместе взятых за то, что лишили дядю Васю украинских национальных корней и национального рода Тарантюков. Вместо этого обещали новую нацию – советский народ, который почему-то так и не сложился. Или не дали сложиться, или просто-напросто не мог сложиться.

Однажды попав в эту неволю Сибирскую, не в состоянии оказался дядя Вася порвать с ней раз и навсегда. Даже наоборот, эта неволя, вроде как бы отпустив, привязала к себе иными путями, порядками, работой и привычками. Одна из которых, привязавшись однажды как болезнь, не исчезнет никогда – надейся в этой жизни только на себя, на то, что есть у тебя. Будь то совесть или простой, подобранный на дороге, ржавый и гнутый гвоздь. Никто тебе не даст ничего просто так. Даже гвоздя.

Обновлено 10.04.2012 07:06